НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СРЕДА

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

№ 02 (64), 2019

ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

Как всё начиналось

В разгар Апрельской конференции мы решили напомнить друзьям и гостям Вышки об истории создания нашего университета и некоторых его особенностях. В этом выпуске «Академической среды» о первых годах Высшей школы экономики и университетском этосе рассказывает профессор департамента теоретической экономики факультета экономических наук, заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ Лев Любимов.

Когда мы начинали создавать Вышку, у нас была светлая, прекрасная иллюзия, которую разделяли и Егор Тимурович Гайдар, и Евгений Григорьевич Ясин, и Ярослав Иванович Кузьминов, что мы сможем создать такой вуз, где возродится подлинная экономическая наука, развитие которой было прервано в 1920-е годы на следующие семьдесят лет. Практически сразу у нас завязались очень серьезные отношения с Первой Сорбонной, благодаря чему мы получили возможность направлять туда наших преподавателей на стажировку на два-три месяца, а не на неделю, как это делали другие вузы. Чуть позднее мы получили солидную грантовую поддержку в рамках двух очень значительных программ TACIS, позволившую нам приступить к созданию собственных учебников, распространению современных программ экономического образования в ряде регионов и подготовке кадров в них.

Однако по мере того, как мы рекордными темпами с нуля создавали экономический вуз, мы осознавали: ну хорошо, с экономикой мы лет через пятнадцать-двадцать разберемся, но у нас же нет таких наук, как социология и политология, не предусматривавшихся советской системой. Право у нас есть, но советское, и такие понятия, как частное право, гражданское право, страховое право, банковское право, регулирующие соответствующие направления рыночной экономики, полностью отсутствуют. Так что мы начали постепенно выстраивать и эти направления. И шли при этом на большие риски. Где-то на рубеже веков мы поняли, что ресурсов не хватает. Если по части экономического образования нас поддерживал назначенный для этого TACIS голландский Erasmus, один из топовых университетов в этой области, то с политологией и социологией такой поддержки не было. И тогда мы взяли заем у Всемирного банка с целью переломить ситуацию, во-первых, с экономической теорией – чтобы наши студенты могли здесь, в Вышке, выйти на уровень PhD и потом двигаться дальше, – а во-вторых, с социологией и политологией. Нужно понимать, что девяностые – годы подлинного пауперизма в науке и образовании. И вроде бы мы должны были гнать экономику, потому что она дает деньги, а какие деньги в социологии или в политологии? Мы как бы доинвестировали в эти отрасли за счет экономики. И в общем у нас это более или менее получилось. Начала развиваться экономическая социология (спасибо Вадиму Радаеву), пришли сильные социологи, такие как Овсей Шкаратан, Никита Покровский, Владимир Ядов, Леонид Ионин и др. Так что в социологии процесс пошел.

Для меня всегда остро стоял вопрос университетского этоса. Я, конечно, видел, что происходит. Уже тогда писали диссертации за деньги, причем массово. Но если говорить об этосе, первое, чему Вышка сразу стала уделять пристальное внимание, – это приемные кампании. Бесконечное число грязных рук лезло сюда. И вот наступили так называемые пробные вступительные экзамены. Мы подняли планку очень высоко, но тому, кто сдаст, гарантировалось зачисление. Первый экзамен проходил по математике. Содержание экзаменационных задач держалось в полной тайне от всего мира, и прежде всего от наших коллег в Вышке. Знали только двое: Кузьминов и я. Утром приехала команда математиков из Нижнего Новгорода принимать вступительные экзамены. И уже через 15 минут после

начала экзамена разразился первый скандал с участием вышкинских математиков: якобы задачи неправильно составлены. Затем еще один. Все это свидетельствовало о том, что цена вопроса немаленькая. Но в конце концов нам удалось провести первый экзамен чисто.

В 1997-м вышло постановление правительства об открытии филиалов в Перми и Санкт-Петербурге, и я поехал в Пермь. Мы позвали заведовать кафедрой математики профессора Анатолия Прокопьевича Иванова. А у него оказалось гигантское, прямо-таки немыслимое по своим масштабам филантропическое хобби – любовь к взращиванию математических знаний. Он собрал огромную полку школьных задач с 5-го по 11-й класс – все в матричной форме. Ему сын-айтишник сделал программу, которая за считанные секунды генерировала любое количество задач нужного уровня. Я смотрел на это с изумлением и думал: «Если создать такие банки задач для всех вступительных экзаменов, никакая грязная рука сюда не сможет влезть». И мы это сделали. По английскому, немецкому, французскому, кажется, даже по испанскому. По всем остальным вступительным экзаменам тоже. И с тех самых пор грязная лапа в этом деле исчезла раз и навсегда.

Совсем благостная картина была в Перми, потому что там масштаб маленький. В здании университета развесили восемь экранов, в аудиториях поставили камеры, и родители видят, как их детям говорят: сесть, руки сложить, замереть по-солдатски; открываем файлы с задачками, начали. Перевернули песочные часы. Через икс часов готовые работы собираются и передаются на дорогущие сканеры, которые считывают их за двадцать минут и выдают распределение по Гауссу качества решения и распределение участников с первого по последнее место: кто первый, второй, сто двадцать пятый и так далее. Таким образом, Вышка с первых шагов начала зарабатывать репутацию честного университета. Через полтора-два года инновации нашего университета увидел министр образования Филиппов, и с тех пор это называется ЕГЭ. Собственно, ЕГЭ и есть матричная форма, придуманная Анатолием Прокопьевичем Ивановым.

Первое время у Вышки было только два здания. В Малом Гнездниковском переулке, где размещалось ДПО (дополнительное образование), и в Кочновском проезде, где скучились все остальные. Несмотря на это мы и там и там устраивали комнаты для преподавателей, где они могли бы и поработать за компьютером, и отдохнуть удобно, получить бесплатный кофе, чай, газеты, посмотреть телевизор.

Хотя мы как могли ограничивали себя, но при этом с самого начала стремились к тому, чтобы каждый преподаватель имел свой персональный ноутбук. В девяностые это было проблемой. Но нам было важно, чтобы каждый преподаватель в любой момент мог зайти в свой компьютер и ответить на вопросы по своей группе. Это также имело глубокий этический смысл. Однажды ко мне в кабинет вошел один уважаемый человек, бывший главный редактор журнала «США и Канада: экономика и политика» Института США и Канады РАН. И говорит: «Вот у меня тут внук учится, он жалуется, что у них преподаватель сам ничего не понимает в предмете и никто ничего не понимает, а сейчас его из-за этого могут отчислить». Я спрашиваю фамилию преподавателя. Подхожу к телефону, набираю номер этого преподавателя, включаю громкую связь и пересказываю ему содержание нашего разговора. Преподаватель выслушал меня и попросил подождать минутку. Было слышно, как он стучит по клавиатуре. Посмотрел у себя что-то и говорит: «Так этот парень из 23 занятий был на двух. Как он узнал, что я обладаю такими негативными свойствами?» Мой гость был умным человеком, он сразу извинился и ушел. Вот пример готовности преподавателя дать ответ на любой вопрос по успеваемости его студентов. Либо эта информация у вас под рукой, либо она имплицитная, неявная, и, когда она неявная, возможен мухлеж.

Дальше началась борьба с читингом (мошенничеством). Она касалась всего подряд. Ужесточили требования к кандидатским и докторским диссертациям. ВАК стала отправлять к нам на экспертизу докторские работы, в которых сама не считала возможным разобраться. Иногда смешно было смотреть на то, что они присылали. Зато мы видели разницу между нами и другими университетами. А у нас как раз пошли первые PhD. Кафедра макроэкономики, которую я создавал и долгое время возглавлял, выдала 12 PhD за десять лет своего существования. Не думаю, что в России есть еще хоть одна подобная кафедра. Вообще же факультет экономических наук Вышки выпустил около 90 PhD; многие из них работают на Западе и постепенно развивают там репутацию Вышки.

С самого начала мы наряду с этикой уделяли значительное внимание эстетике. Я помню, как в 1995 году говорил проректору по хозяйственной части А.А. Алексахину, что нужно закупить пять комплектов сантехники для туалетов, потому что первый будет переломан уже в течение первых трех месяцев. Так оно и получилось. Тем не менее с самого начала вышкинские туалеты больше походили на европейские, чем на сортиры Казанского вокзала при советской власти. Для нас это тоже имело значение.

Надо было приучать нас не жалеть денег на книги и читать зарубежную научную литературу. Где-то в недрах физтеха родилась компания, которая имела связи примерно со 150 западными издательствами: закупала у них книжки, создала таможенное окно, чтобы все было по закону. Я связался с ними, мы выделили две комнаты в Кочновском для хранения и реализации закупленных книг и учебников, и постепенно наши преподаватели начали наконец их покупать. Хотя американская книжка стоила не 100 рублей, а 3000. Теперь это называется «Буквышка». Не говоря уже о том, что мы все больше закупали для нашей библиотеки.

Я всегда гордился длинной очередью в вышкинскую библиотеку. Сорбонна передала нам две с половиной – три тысячи книг на французском языке. Я передавал все то, что делалось в рамках программы TACIS и через Фонд Сороса. Сорос выплачивал приличным ученым по 300 долларов в месяц. При его поддержке было создано несколько сотен книг теми единичными учеными, которые говорили на языке мировой науки, а не советской. Удалось достать тысячи самых разных экономических учебников из Европы и США, в том числе около 10 000 для школ. В конце концов мы начали делать регулярные закупки для библиотеки. С 1 по 10 сентября каждый студент получал на руки пару рюкзаков современных учебников. Раньше составлялись списки, которые затем утрясались. Сейчас мы тратим на библиотеку столько, что можем купить все, что издается, скажите только, что вам нужно. Такого нет ни в одном другом российском вузе.

Много лет спустя я фактически руководил учебно-методическим объединением вузов России по экономике и должен был давать рекомендацию Рособрнадзору, выдавать или не выдавать лицензию тому или иному вузу. Вузы обязаны были предоставить подробную документацию, в том числе и о состоянии их библиотек, и каждый раз это оказывалось для них ловушкой. Когда я видел, что на курсе по экономической теории учатся 200 человек, а в университетской библиотеке при этом всего пять учебников, то сразу говорил: лицензии в ближайшее время не будет. Сегодня, конечно, это уже неактуально. Зайдите по паролю и получите что угодно. То же самое, что в Гарварде, никакой разницы.

В конце 1995 года мы ввели у себя институт ординарных профессоров, который давно укоренен на Западе и называется tenure. Первых четырех ординарных профессоров мы избрали уже в 1995 году. Сейчас их примерно 110. В прошлом году мы ввели институт заслуженного профессора – фактически это то, что на Западе называется emeritus professor. Это некая гарантия уровня жизни и страховая гарантия.

Когда я начал преподавать в Вышке, то постепенно пришел в ужас от количества контактных часов и ужал их от 50 с лишним до 30 часов в неделю. Потом я стал наблюдать за тем, что происходит в школах, работающих по программе международного бакалавриата – наиболее продвинутой на сегодня системе школьного образования, созданной чуть более полувека назад. Это международная система, основанная на исследованиях наших с вами земляков, в первую очередь на идеях великого Льва Семеновича Выготского. В 1998 году после дефолта у нас оставались какие-то деньги от TACIS, которые мы обязаны были потратить. И тогда мы собрались и спланировали модули, рейтинги, образовательные кредиты и многое другое, что сегодня уже составляет рутину учебного процесса Вышки. В частности, мы уничтожили семестры, имеющие такое же негативное значение, как три ряда парт в школе, и начали внедрять модули при яростном сопротивлении значительной части нашей профессуры.

В 1996 году мы открыли первый филиал в Нижнем Новгороде. Губернатор Б.Е. Немцов выделил нам небольшое двухэтажное здание на окраине города, в Сормовском районе. А нижегородский Политех находился в центре,

на знаменитой Верхневолжской набережной. Его кампус тянулся вдоль Волги километров шесть, и они не смогли его полностью освоить, его аудитории пустовали. Тогда я пошел к ректору Политеха с предложением прочитать им ряд курсов в обмен на десяток аудиторий. Два вечера по всем телеканалам нижегородского телевидения я рассказывал, что такое Высшая школа экономики. В нижегородском Политехе нам поставили два стола в актовом зале на приемную комиссию. И в первый же набор к нам пришли 62 медалиста на 50 бюджетных мест, не считая остальных абитуриентов, то есть у нас сразу состоялся хороший конкурс.

Одновременно мы начали создавать там попечительский совет и собрали очень приличных людей. Председателем попечительского совета в нижегородском филиале был Борис Владимирович Грищенко – начальник ВТБ в Нижнем. Мы нашли одного москвича – Анатолия Александровича Кудинова, первого бизнес-консультанта в Советском Союзе, работавшего в этом качестве примерно с 1986 года, когда только-только начали появляться кооперативы, когда российская рыночная экономика была еще в зародыше. Он брал наших умненьких ребят в команду и с ними вел консультации бизнес-фирм. И у нас был договор с «Волготрансгазом», компанией в 110 тысяч работников, о том, что мы им делаем проект маркетинговой деятельности, а их УКС (управление капитального строительства) ремонтирует нам этаж по евростандарту. В результате филиал Вышки был единственным вузом в Нижнем, который сиял и сверкал. Так было и с другими компаниями. Вот такие мы имели договоры.

Для университета главное – правильно учить, а первая задача – найти тех, в кого следует вложиться. Я везде занимался школами. В Москве у нас сложилась когорта из 150 школ, в каждой я бывал, и не по одному разу, а в Перми и в Нижнем мы создали университетские округа. Первое, что мы сделали в Нижнем Новгороде в содержательной части, – протестировали всех физиков и математиков, готовых сменить свою тогда безденежную профессию на экономическую. Так мы набрали необходимое число докторов и кандидатов физматнаук и смогли открыть кафедры математики; некоторых из них мы переучили на экономическую теорию. Дальше нашли значительное количество прекрасных преподавателей иностранных языков. В 1995 году согласно госстандарту по вузу на язык отпускалось 340 часов: 170 контактных и 170 самостоятельных. Но наш Ученый совет принял решение о том, что в Вышке эта цифра должна составлять 610 часов, чтобы мы имели так называемый professional English; не general, а professional. Так что если изначально в Нижнем Новгороде создавался относительно небольшой филиал, то сейчас там, наверное, около 5 тысяч студентов, а на кафедре около 45 преподавателей. Человек, прослушавший этот курс, был способен прочитать учебник по макроэкономике на английском языке, переводя вслух на русский. Это профессиональный уровень.

А дальше начали натаскивать преподавателей, отправлять их на стажировки в Сорбонну и Erasmus. Многое, что относится к вышкинскому этосу, было почерпнуто и там.

Все то же самое происходило в Перми и Питере.

В 1996-м закончились первые вступительные экзамены по математике и состоялась апелляция. Тогда нигде больше не проводили апелляций, Вышка первая начала их проводить. И я пошел на апелляцию. Дошло там до какого-то парня, у него там перечеркнуто всё, и ему ставят 6 баллов из 10. Я взял, посмотрел. Спрашиваю: «Вы что хотите от него получить?» – «Мы хотим, чтобы он решил». – «Тогда давайте посмотрим, решил он или нет». – «Решил, но всё почеркал». Я ещё раз спрашиваю: «Чего вы от него хотите? Чистописания или чтобы он решил?» Когда через три часа эти апелляции закончились и я вышел оттуда, у дверей стояла толпа родителей и аплодировала. Они такого в этой стране не видели.

В России мы переподготовили примерно 1000 учителей экономики по 600-часовым программам, 600 контактных часов. А дальше, как и в остальных филиалах, искали математиков, физиков, преподавателей иностранных языков и т.д. и отправляли в Erasmus и Сорбонну. И на сегодняшний день это лучший бакалавриат в России, не только среди экономических вузов – среди всех.

Вышка меняется и становится больше, открываются новые факультеты и лаборатории, однако неизменным остается то, что Вышка – честный университет, дающий качественное образование и занимающийся настоящей наукой.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Сергея Плешкова.
Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.
Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 11.04.2019.
Подписаться на рассылку можно здесь: http://okna.hse.ru/subscribe